

Дмитрий Харакоз – Виктору Образцову в его америки.
19 ноября 1997 г.

Витя, привет!

Я собирался тебе сразу же рассказать о 25-летию нашего выпуска, но все не мог выбрать время. Встреча была теплой, в отличие от 15-летней (так говорят – я-то не смог быть тогда). Я с большой опаской шел на встречу. Подумывал совсем не идти. Как будет неловко – не узнавать приятелей, близких когда-то! Хорошо помню постыдный эпизод, лет пять-шесть назад, когда ко мне на остановке возле биофака подходит, широко улыбаясь, какой-то усатый, обращается ко мне по имени и спрашивает:

– Не узнаешь?

А я, отупев от неловкости:

– Нет, не узнаю... Ты, кажется, на кафедре геоботаники был? Или... нет-нет, вышших растений?.. – глупо перечисляю кафедры, а с его лица постепенно сходит улыбка, ему тоже неловко. У меня и лицо, и мозги перекосятся. Но тут подходит спасительный автобус, я вскакиваю в него, становлюсь у заднего окна. Мучительный стыд. Вздых облегчения – кончилась мука. Стресс проходит и... тут и всплывает: Боже мой, да это же Боря Семин! Вот тебе на! Не узнать Борьку Семина, одноклассника! А я-то – “геоботаника”, “высшие растения” – вот идиот! Ну, правда, не узнал-то его за усами – и все же... Зато уж позже, когда я стал часто бывать на кафедре и встречался там с ним, то уже никогда не ошибался.

И никогда я не заговаривал с ним о том дурацком конфузе...

Из этой прелюдии ясно, с какими чувствами я шел на встречу, – с моей ли памятью!..

А все сложилось совсем иначе.

Начало – в ББА.

Анкеты.

Рукописные таблички-бумажки с именами на грудь – чтобы читали и вспоминали.

Слайды и фотокарточки – боже, какие молодые! Это Валера Майстров, молодец такой, привез и показал.

Потом – десятая столовая, “десятка”. Банкет.

Впечатление первое

Как много стариков! А старушек-то, старушек! Еще больше!

Морщинистые. Толстые. Седобородые. Седовласые. Ну-у, вот эта вот – бабушка она и есть бабушка... А этот, этот – настоящий древний дед...

И таких – половина. Ну треть...

Чуть больше половины – узнаю лица. Да, был такой. И такая была. Но вот – кто они?.. Всего процентов у десяти вспоминаю имена.

Впечатление второе

Лица мужиков – узнаю почти все. Девыцы – почти все неузнаваемы. Мужики рядом со мной – под тем же впечатлением: наш пол узнают, тот – нет.

Я расслабился, не один я такой, и тогда уж стал бесцеремонно расправлять бумажки на пиджаках и кофтах и, склонившись, пристально вчитываться в имена: “Ты кто такой? кто такая?.. а ты кто?.. а ты, а ты?..”

Тут же возникла теория (все – ученые!): “Ну поня-ятно! Бабы – они, ведь, скорее стареют. У них биология такая.” Вариант – “у них жизнь такая”.

Уже в “десятке”, у банкетного стола, возвращаясь после танца с одной из девочек. И вдруг она: “Да-а, конечно же здорово мы изменились. Ну, девочек-то я еще узнаю, а вот мальчики, мальчики как постарели-и-и!..” Вот тебе раз, думаю. Выходит, у девиц все наоборот? Мы неузнаваемы, а они – еще ничего? Проверяю, спрашиваю других – так и есть. Мальчики – мальчиков, девочки – девочек...

Вот так! Это что же, у нас такая сепарация общения студенческого была? Мальчики с мальчиками, девочки с девочками? Вообще-то, так оно, конечно, и было, ну а как же тогда половой инстинкт? Повышенный интерес-то почему на память не повлиял?

Повлиял!

Те личики, на которые тогда-то и тогда-то глаз положил, – они были узнаваемы сразу! Или почти сразу. Витя, там были такие сохранившиеся, годами не тронутые! Ну разве что... “повзрослевшие”.

Например – и это рекорд! – Светка Наливайко! И это не только потому, что я на нее когда-то неровно дышал. Другие тоже самое отметили. Ну, ни одной морщинки! Ну, та же легкость! Та же удивительная мягкая обаятельная улыбка и те же глаза! Как Саня Константинов ее определил когда-то – теплая.

Ленка Воронцова! Она все же чуть сдала, но – та же точеная фигура. И узнавали ее сразу.

Оля Лопина! Оля на встрече и Оля на чашниковской фотокарточке Майстрова – та же самая милая подтянутая Олечка! Опыт, правда, не совсем чистый – все же я частенько встречаюсь с ней на факультете. И очень многие другие тоже – и это есть самое-самое Олечкино свойство. Неизменное. Всем нужна!

Неизменная Лаура Дубова! Такая же буйная.

Ольга Нарциссова! – узнаваема сразу, хотя и заметно повзрослела.

Барсучок, Ирка Барсукова! – изменилась, но не здорово.

Есть и такие, кого годы тронули сильно, но – узнаваемы сразу. Это, например, Ленка Калистратова с эмбриологии – а улыбка-то, улыбка – совсем та же!

Впечатление третье

Мы провели в “десятке” около шести часов. И постепенно-постепенно лица молодели и молодели. Выплывали из-под морщин, из-под бород. Вот уже и этот – а, да, был такой, и вот та вспомнилась – была. А этого и имя вытряхнулось из-под пыли. За шесть часов сбросили годов по пятнадцать.

Впечатление четвертое

За эти годы ушли многие. Около дюжины, включая и студенческие потери, как Светка Попова или Вовка Крайзман. Был зачитан список, был тост в их память.

Вот такие впечатления общие, а теперь – конкретные.

Биофизики

Толстый Вовка Сукомел. Умиротворенный такой. Показалось, что и не сильно здорово “зашибает” теперь. (Помнишь, “шестой день пью и никакого кайфа”?) Он где-то делает ион-селективные электроды – околонуучный заработок.

Толстый Юрка Чемерис. С той же широкой чуть ироничной улыбкой. Его многие девочки не узнали – а по мне, так и не изменился, разве только негабаритный нынче.

Но опять же, не чистый опыт, на кафедре все же встречаемся. Ну, у него в основном всё в порядке. Только свои соросовские доллары подарил банку “Чара” – да ты, наверное, знаешь это историю.

Боря Семин. Тут уж я, на фоне алкогольной раскованности, взял, да и рассказал ему о том дурацком эпизоде на остановке.

– Нет, – говорит, – не было этого.

– Да как же, Боря! Ну вспомни, ты еще с усами тогда был, я потому и не узнал.

– Да никогда я усов не носил! Не было такого. Вот на кафедре, да, встречались...

Во, новый конфуз! И кто же это был тогда, так ущемивший мою квёлую память? Ну, и то хорошо, что хоть не перед Семиным оконфузился. Так что наш вечер снял один грех с моей души. Другой навесил, но тот полегче будет...

Колька Покудин. В улыбке из-под бороды блестит полный рот золота. Легко захмелел. Я не спросил, где именно он работает. Знаю, что без жилья, “бомжует”, но работает. Где-то около медицины, как и раньше.

Мишка Янюшин – ну, тут тебе всё известно. Науку не бросил.

Бяша! Был – Бяша, а теперь – донской казак Александр Орехов. Огромных размеров. Все размеры поперечные (“боди-билдингом занимаюсь!..”). В ярко-красном жупане. На банкете прогремел “Любо, братцы, любо...” – и заставил всех подпевать эту длинную песню. Бизнесмен. Откупил родовой хутор Ореховка, который попал в украинское подданство. В соседнем с хутором селе воздвиг каменную церковь вместо старой деревянной. Шестеро детей, все – девчонки, кроме среднего. Показывал снимок – все шестеро сидят на внутренней лестнице его неодноэтажного дома под Москвой. Все веселые, раскованные. Маленькие льнут к большим. Замечательный снимок! Бяша такой же неотесанный грубиян. “Ле-е-еночка! Да какая же ты – у-у-х!.. Да вот я пр-р-рямо сейчас!.. Тебя-я!.. Н-на полу-у-у!..” Он спонсировал (дурацкое же это слово) нашу эту встречу. А наши взносы Оля пустит на помощь тем, кто сильно в нужде и беде – есть и такие. (Вот Ольгина неизменность! Что в студенчестве, что теперь.)

При всем при этом Бяша умудряется все еще что-то делать “в механизмах склероза”. А мне сказал: “Харакоз! Что это ты там про науку? Пишешь – гибнет?.. На-у-ка-не-про-па-дёт-пока-я-есть, трам-тарам!...” – и кулачищем себе по гулкой груди. В подтверждение достаточно сказать, что его старшая – уже на химфаке, а следующая еще выбирает, куда именно, но – в университет (“я их воспитываю так, что – здесь! аллль-ма-матерь...”).

Других биофизиков не было. А все, кто пришел – в науке остались.

Константинов заметил: “Все-таки есть в биофизиках какая-то жизненная сила. А вот с нашей кафедрой...” – и как-то впечатление свое пояснил.

Другие

Вовка Шишкин пришел в гогеновском наряде – бархатный темно-синий берет, вольный шарф, из-под берета седые кудри – чисто француз-живописец. Занимается художественным оформлением книг. И еще поет классические романсы классическим голосом. Правда, тужась и подвирая.

Паша Королев. Я под пышными буденовскими усами сразу же его разглядел.

– Пашка! Пашка, здорово!

А Паша:

– Погоди... – и лезет в портфель.

– Да давай же поздороваемся сначала! Что ты с портфелем своим!

– Погоди... – и лезет в портфель.

– Да поздоровайся же, ты, чёрт!

Достал из портфеля “Независимую газету”:

– Это ты написал?

– Ну я... То есть, нет, не я, это коллективное, – но имя мое.

– А почему “физмат наук”?

– Так получилось. Умный больно...

– Ну, тогда здравствуй! Молодец! – и распростер объятия.

А в “Независимой” вышло, с месячным опозданием от горячих событий, коллективное письмо “в защиту науки”. Это когда у нас тут в Центре начали иезуитским способом индексировать институты. А моя подпись – первая. Да к тому же и в газету материалы отвозил я. Вот и вышло – “Харакоз и еще 70 подписей”.

Валерка Майстров. Огромный. Он – пенсионер (инвалидность), но работает. В Калуге.

Тяй Костырко был на виду все эти годы, в молекулярном корпусе. Так что о нем все ты знаешь.

То же и Саня Константинов. Биоэнергетика без него – никак. К тому же он – неизменно все годы – скрипач в университетском камерном оркестре, а теперь уже и его руководитель.

Чик. Прекрасная половина узнавала его, но отмечала сильные преобразования на голове и в контурах.

Дима Мальдов. Крупный чиновник по рыбному хозяйству. Но говорит, что в коротких паузах и науку делает. Не потерял телосложения классического борца, только лицо теперь не “кровь с молоком”, как было в общаге.

Вовка Барминцев. Работает на биофаке.

Вовка Деулин. Почти не изменился. Уж во всяком случае не постарел. И не толстел. Только стал – как бы это – представительный. Очень импозантный. Занят поиском, где бы ему применить свой редкий дар ловца и дрессировщика дельфинов (Крым-то теперь – тю-тю...).

Фрол. Такой барин. Круглый, как прежде. Седой, импозантный, улыбчивый. Профессор кафедры гистологии.

Да, вот же восхитил – Эдик Назарян! Молодой, стройный. Только поседевший. Весь вечер, в паузах между стаканами, быстро перемещался по залу и снимал нас видеокамерой. Профессиональный скульптор. Помнишь, он чуть ли не с первого курса все глину в рюкзаке таскал и лепил в общаге? У него своя мастерская. Есть заказы, есть и работы для души. Участвовал во многих конкурсах, в том числе в конкурсе на портрет Высоцкого он получил первое место. Может быть, удастся привезти его со скульптурами в Пушкино, в Дом ученых.

Вот еще одно лицо – Миша Вайсфельд. Совсем незнакомый мне мужчина, седовласый-седобородый, возрастом сильно обремененный. На вечере был замечен, активен, всё порывался общими дружескими речами перекричать локальные. Это не удавалось. Но ему было хорошо и весело. Я не воспринимал его как однокурсника даже тогда, когда спросил кого-то и получил в ответ – Миша Вайсфельд. Что за Вайсфельд? Чужак какой-то. Но вот он заиграл на гитаре, запел. Я восторженно – а ну-ка, ну-ка, как его, как его? Вайсфельд? Ну конечно же – Вайсфельд, Чашниково, костры, гитара. Я еще тогда на странную фамилию обратил внимание. А какое сильное впечатление было от его гитары! Как он играл! Услышав его там, я сильно продвинулся в своей игре. Я даже запомнил и выучил один красивый и непростой этюд, услышанный тогда в его исполнении. Он ведь попал к нам где-то в конце первого курса, был в Чашниково с нами. Потом как-то потерялся. А потом пропал и я с курса. Вот я и не узнал его глазами. Все-таки моя слуховая память намного крепче зрительной. Много раз убеждался.

Из пущинцев Гарик Тирас и Надя Присяжнюк были, Гуся была, Агрикова была. Чика и Янюшина я уже называл. А вот Кости Лусты и Сашки Бондаря не было. Но о пущинцах ты всё и так знаешь.

Всего на встрече было больше 160 человек из наших четырехсот (почвоведов не было, только Женька Шеин мелькнул в ББА и исчез).

Организовали встречу Оля Лопина и Лаура Дубова с помощницами. Опершись на могучее Бяшино плечо.

Вот и всё. Что-то, конечно, упустил, в чем-то ненароком был неточен, а чего-то и не заметил. Пусть дополняют другие.